

ПИСЬМО,

в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю, 1750, в Санкт-Петербурге.

<в сокращении>

Государь мой!

Многажды я к вам писывал о разных делах; но никогда и на ум мне притти не могло, чтоб я должен был когда написать к вам апологетическое и критическое письмо каково есть сие настоящее. Ныне уже невозможно стало удержаться от сего; в чем и покорно прошу извинить меня по дружбе вашей. Нападки на общего друга нашего¹* и неумеренность нападающего преодолели мое терпение: ибо известный господин пиит, после употребленных в эпистолах своих к нему обидах и язвительствах, не токмо не рассудил за благо от тех уняться, но еще оные и отчасу больше и несноснейше ныне размножил; а чаятельно, что и впредь награждать ими потщится, если унят, от кого надлежит, он не будет. И как сему господину равно было, для оказания своея тщетныя способности, отстать от од, а приняться за трагедии, по сих за эпистолы, и уже ныне за комедии: так нам легко можно поверить, что угодны ему будут, наконец, и точные сатиры. Впрочем, каким он подарком еще обогатить имеет общество читателей, то ли бо мы так же со временем узнать можем. Но ныне такой он нам всем представил на театре гостинец, который по всему не может не назван быть достойным остробуйныя его музы. Сочинил он небольшую комедию: при чем сие весьма удивительно, что она от него сочинена простым словом, а не стихами, толь наипаче, что он не токмо желал бы сам обыкновенно говорить о всем рифмами с нами, но, рассуждая по страсти его, хотел бы еще, чтоб и приятель его, и слуги, и служанки поздравляли ему, спрашивали его, и ответствовали ему ж спрашивающему на рифмах; словом,

* Здесь и дальше примечания даются в конце хрестоматии.

желательно ему было, чтоб все при нем обращалось по рифмам и звенело б рифмами.

Но как то ни есть, государь мой, однако оная комедия сочинена вся прозою, выключая токмо две штучки, кои сплетены стихами. Комедия сия недостойна имени комедии, и всеконечно неправильная, да и вся противна регулам театра;² а состоит она в семнадцати явлениях и названа *Тресотиниус*. В ней нет ни начального оглавления, ни должного узла, ни приличного развязания. Да и не дивно: она сочинена только для того, чтоб ей быть не язвительною токмо, но и почитай убийственной чести сатирою, или лучше, новым, но точным пасквилом, чего впрочем на театре во всем свете не бывает: ибо комедия делается для исправления нравов в целом обществе, а не для убийения чести в некотором человеке. Я не упоминаю о неисправности в ней сочинения и о многих так называемых солецисмах: она совсем недостойна критики. Однако сие смешно, что автор, хотя показать о себе в персоне не знаю какова Ксаксоксимениуса, что он искусен в славянском языке, тотчас лишь начал, да изволил и показать себя, что он еще меньше умеет по славенски, нежели по Русски. Говорит он: *подаждь ми перо, и абие положу знамение преславного моего имени, его же не всяк язык изреши может*: ибо надобно было следующим образом: *даждь ми трость, да абие положу знамение преславного моего имени, еже не всяк язык изреши может*. Великой словесник! в полутаре строчке пять грехов. При представлении ея в не малое пришел я удивление, слыша некоторые речи в ней, о которых я так рассуждал, хотя впрочем и не по охоте [понеже знаю, что они говорены негде на едине], что или автор имеет пылливый дух, иль толь его пиитический жар, называемый энтузиасмом, есть силен, что он может все то знать, в чем ему нет и нужды. Подлинно, несколько сие удивительно, в рассуждении свойства обыкновенного пиитам: ибо они в сем токмо особое преимущество имеют, чтоб им прорицать всегда о том, что уже было, а тайности те токмо они с прочими нами знают, которые им бывают открыты.

Какова ж, государь мой, содержания та комедия? О! праведное солнце. Не можно поистине надеяться, чтоб могли и зрители все с терпеливостию до конца ее видеть. Все в ней происходило так, что сумбур шел из сумбура, скоморошество из скоморошества, и словом, недостойная воспоминания негодность из негодности, так что вся сия комедишка достойна площадного минутного света, а потом вечныя тьмы. Можно сказать праведно, что автор не мог ничем никогда лучше открыть своего сердца. Особливо ж Тресотиниусу, которым автор разумел общего нашего друга, означая его только что неточным прозванием, такие были даны речи, что Скарон, французский пиит, поистине не хотел бы быть для сего ко-

щунным пиитом, при переодевании Virгилиева достохвально-го Энея в своего смешного. Толико то авторова язвительная насмешка превосходит беззлобивую и забавную Скаронову шутку! Смотри на все такое недостойное ругательство, вспоминал я мыслию Аристофанову комедию, названную *Облака*, которая была представлена в древних Афинах и коею, во веки театральный токмо игрок, Аристофан смеялся над пречестным во веки ж в язычестве мужем Сократом. Но есть ли что толь честное, чего б или ветреный или надменный скалозубы не могли преобращать в смешное? Вкратце, авторов Тресотиниус есть выше поруганием Облаков Аристофановых; сие значит, что в авторе нашем больше было злости и остервенения к ругательству, нежели в Аристофане. Да заслужил ли оное ругательство Сократ от Аристофана? Заслужил ли ж и наш общий друг тож самое от Тресотиниусова Автора? Сим токмо сравниваю Сократа с нашим общим другом.

Обращая все сие в мысли, еще больше трепетало мое сердце со стыда, потом с негодования, напоследок с сожаления по общем нашем друге, нежели авторовы моргали очи³ с радости и с внутреннего самолюбного удовольствия; только ж *смешить без разума дар подल्या души*, как то сам и наш автор говорит в Эпистоле о стихотворстве. Но прошу, государь мой, рассудить о терпеливдушии общего нашего друга. По окончании у нас новыя, а в древней Греции старыя такая комедии, да и накрепко там в те ж времена запрещенныя навестил я его, рассказал ему о всем: в окончании просил его, чтоб он себя так же пером защитил. Сие ж для того, чтоб или не показаться, будто б он боялся автора или чтоб не сказали все, что он не в состоянии оборонять себя от клевет и насмешек, недостойных честного человека. Слушая сие, он усмехался токмо; а выслушав говорил: *Я сожалею, что автор, назвав меня непристойным именем, приводит в необходимую нужду благоразумных людей называть либо себя и знаменательнее того; а с другой стороны, безмерно радуюсь, что он сим своим примером показал, коль безвреднее есть при таких случаях быть в терпении и молчании, нежели подавать посторонним без пользы причину к большому еще осмеянию себя: ибо, по мнению Сенеки из 11 книги о гневе, главы 32, «тот велик и благороден есть, который, по подобию больших зверей, спокойно слышит лаяние маленьких собачек».* Так по сему, предприял я речь, не токмо автор не опустит не единого случая, в которой бы он не стал терзать вашей чести безопасно, но и все недоброхоты ваши никогда ж не оставят вас в покое, ведая, что вы сами безответны. — Пускай же то так,— говорил он,— ежели им угодно. Ибо когда автор был толь великим христианином в Оронтовом лице, что кошунства своего в XI явлении не усомнился употребить и слова Христа Спасителя нашего,— то я здесь, где нет ни малого скоромоше-

ства, не могу ль дерзнуть то ж сделать, но с благоговением, и привести в мое утешение из того ж спасительного Евангелия речи, именно ж, *претерпевый до конца, той спасен будет*. После сих его слов оба мы замолчали; он не знаю как печальным и смущенным видом на меня смотрел: а я рассуждал о сем его намерении, что он себя ни сам оборонять не хотел, ни требовать себе от других защиты. Вскоре ж потом мы друг с другом и расстались.

Сказать правду, государь мой, я сим его намерением не был доволен: ибо знаю, что ему все делают обиды по степеням, смотря по тому, как он их сносит. Но понеже все их так он претерпевает, что видя будто не видит, слыша будто не слышит, чувствуя будто не чувствует и разумея будто не разумеет: того ради ныне явным уже ругательством прободать его начали. Кипело мое сердце, зная его совесть; и весьма жаль мне его было: да и кто ж бы из добрых, как я думаю, о нем не пожалел? Удивлялся я, понеже он сам всегда безответен; то какая б тому была причина, что никто из приятелей его не возьмется за дело и защитить его не почтится? Но тотчас пришло мне на ум, что он оглашен в рассуждении искусства от своих соперников и ненавистников. Однако независное око все противное тому в нем видит. Что ж до соперников его, то он, говоря об них и о себе, часто и поныне приводит Цицероново восклицание из второго филиппического слова, которое он употребляет, переменяв оного речи, но токмо оставив на том же плане и с тем же движением. Цицерон следующим образом жалуется сенаторам римским: «По какому моему несчастью так делается, что кто во время сих прошедших двадцати лет ни-был римскому правлению неприятелем, тот совокупно тогда ж и мне врагом и супостатом находился?» А общий наш друг сие ж самое, но в другой силе, иногда ж и с крайнею горестию произносит: «По какому моему несчастью так делается, что кто во время сих прошедших двадцати лет ни хотел себе получить славу в искусстве словесных наук, тот совокупно тогда ж и мне был тайным и явным соперником?» Но, пускай, что его соперники оглашают: он перебивает ли им дорогу и отнимает ли что у них? разве то, что он во всем том на нашем языке есть первым начинателем. Виноват ли ж он, что случай допустил его к тому прежде других? Однако он с радостию всем тем уступает прочим. С другой стороны, буде же и так, что премного есть таких, как то и подлинно, которым общий наш друг есть или равен или их ниже: но нашего автора он в том искусстве по справедливости выше. Сие не ненавистное было б и из уст общего нашего друга самохвальство: сие есть точная и непреоборимая правда. Того ради, будь и еще так, что находятся некоторые, коим есть причина, как превосходнейшим в искусстве, обличать общего нашего друга; но наш автор

толь в том сам неисправен, что превесьма б он благоразумнее делал, ежели б он благоволил о нем пред всеми молчать и себя пред ним не превозносить. Признаваем несколько, что есть в нем природная острота, но сия острота в нем необученная: а по мнению Горациеву, как природа без науки есть ничто, так и наука без природы есть недействительна: одна у другия взаимныя себе помощи просит. Когда я говорю, что есть в авторе нашем острота, то я разумею, что в нем она не превосходная, но весьма обыкновенная многим. Славящие остроту в нем превосходную, тем токмо доказывают, что он сию безделушку сочинил скоро, а именно в шесть часов. Но в рассуждении таких скорохватов весьма изрядно отвечивал Эврипид у Валерия Максима⁴ книге 7, Алцестиду пииту хвальному, что он, Алцестид, скоряе 100 стихов напишет, нежели Эврипид три. *Но разность*, говорил тот, *в сем, что твои делаются на три дни, а мои на век*. Как то ни есть, однако ж они прославящие не знают, что авторова комедия почитай вся взята из сочинений комических барона Голберга,⁵ а особливо персона Капитана самохвала. Ежели по сему надлежит переводить, то найдутся, кои сие ж самое и в половину тех часов могут сделать, да еще и весьма исправнее.

Хорев трагедия, о которой я имею вам донести ниже, вся на плане французских трагедий; да и не только по плану она взята из французских, но в рассуждении изображений. Гамлет, как очевидные сказывают свидетели, переведен был прозою с английския Шекспировы, а с прозы уже сделал ея почтенный автор нашими стихами. Эпистола о стихотворстве Русском вся Боало-Депрова. В Эпистоле об языке русском почитай все ж чужие мысли. Оде парафрастической⁶ был предводителем псалом, а другой его оде, хотя не знаю я подлинника, однакож не надеюсь, чтоб она вся его была: во всех собственных его сочинениях придатки его как отливаются от чужих выработанных мест, а у него по большей части обессленных переводом: и весьма б было сие чудесно, ежели б ему что нибудь выдумать от себя. Того ради, где ж его превосходная острота? Есть она, но общая многим. Превосходная острота не в понятии токмо одном, но еще в вымысле и в избречении состоит. Но автор толь мал в вымысле, что ни имен для смеха выдумать от себя не мог: его и Штивелиус в Эпистоле о стихотворстве так же чужой, а именно из помянутого ж Голберга, и сей самый Тресотиниус — Молиеров Трисотень. Что ж до изображений его почитай всех, и почитай до всех же стихов; то все оное толь неисправно, что не было еще поныне в свете пиита, кой бы толь мало знал первые самые начала, без которых всякое сочинение не может не быть крайно порочно. Можно сказать смело, что как из противников соборной церкви нет страннее наших раскольников; так из всех писателей красным слогом нет в том недостаточнее нашего

автора. Все сие покажется из того ясно, что я предложу вам ниже во-первых о двух его одах, потом о двух трагедиях, и напоследок о двух эпистолах. Ибо только того, что мы ныне от него в свет изданного имеем.

Причина, которая меня возбудила к рассмотрению сему, есть, государь мой, не некоторая сердца моего подлая страсть и недостойная доброго человека; но несносное тщеславие нашего автора, презрение от него к лучшим себя писателям, сожаление по общем нашем друге, коего он толь нестерпимо обидел, и наконец справедливость воздаяния. Однако, не извольте ожидать, чтоб способу моего рассуждения быть с посягательством; он будет самый чистосердечный и праведный так, что за обиду его к общему нашему другу, которого мне, как и вас самих, нет дружнее в свете, не буду я воздавать обидою. Я не прикоснусь ни ко нравам господина автора, ни к его состоянию: искусство его в сочинениях станет токмо пред мой суд. Но впрочем, когда ни удостоится по суду оное его искусство самого жестокого осуждения, однако везде будет умягченный на него приговор. Господину токмо автору лехко касаться до чина и до поступок: Брамарбас его прямо и без закрешек говорит об общем нашем друге в XI явлении, что *каков его чин, таков его и поступок*. Но я твердо знаю, что общий наш друг в чине благоговейно, со всеми добрыми, почитает верховнейшее благоволение, производящее в чин, и непрекословно повинуетя руке предводительствующей, по тому ж благоволению, чин учрежденный. Высок ли сей? не его дело. Низок ли он? помнит что, по присловию, не можно всем старцам в игумнах быть. С моей стороны, я еще и радуюсь, что поступки общего нашего друга сходятствуют с его чином: сие значит, что он не выходит из пределов своея должности. Напротив того, не дивлюсь, что поступка нашего автора безмерно сходитствует с цветом его волос⁷, с движением очей, с обращением языка, и с биением сердца. Но теперь за прямое дело <...>

Ясно уже вам, государь мой, теперь видеть можно и по сему первому делу, коль велико искусство в сочинении нашего автора. Изволили ли вы чрез то познать, коль великий он грамматик, ретор, пиит, логик, философ, а при том, коль много он читает наши книги, и потому какое имеет знание в грамматическом составлении. Чего ради, давно уже было пора ему опомниться, себя и свои силы осмотреть, а напоследок тщеславия и самохвальства убавить. Поистине, сими толь ясными видимыми в нем пороками, больше он себе вредит, нежели бесчестит тех, коих он ниже себя почитает и прободает толь чувствительно и ненавистно. Не думает ли он, что все прочие того не видят, чем он заражен, чего он

сам стоит, и что и каков тот, против которого он как с цепи спустил своевольную в лихости свою музу? Но, впрочем, хотя б кто ему такое напоминание и дружески представил, однако б тот потерял свое время, труд и слова, а успеха б отнюдь не получил в том ни малого. Затвердела уже в сердце его сия страсть: не может в нем ее ничто погасить, разве токмо некоторый род чуда, или особливая благодать господня. Сея ему христиански и желаю! А что ж принадлежит до нынешнего времени, то любы ему токмо те, которые ему дивятся и его хвалят. Весьма б он был счастлив, ежели б по крайней мере мог усматривать, кто как и каким духом его хвалит. Ибо есть, как вероятно, кои сами не знают, что в сочинении его хвалят. Есть может быть, кои то делают льстя нарочно, дабы его приводить к большему себя оказанию, и чрез то б чаще иметь себе причину к смеху. Наконец, думаю, что есть и такие, кои ненавидя его похваляют дабы ободряюще своею похвалою возбудить его еще к явнейшей нерассудности, и тем бы его или погубить, или по крайней мере привести в напасть и бедство. Однако, до всего того, государь мой, мне нет дела: сам он возраст имеет, сам о себе да печется. Я токмо рассматриваю его стихотворение; а по предвосприятому мною намерению одну и первую его штуку уже рассмотрел. Теперь должно мне приняться за другую господина автора оду. Ее рассматривать я буду тем же способом, как и первую: именно ж каждую строфу порознь, и в каждой, что найдется достойного, то нелицемерно похваляя, а какие несовершенства и погрешности явятся, те с довольною пощадою осуждая.

Следующая ода, ежели автору верить, есть или самый верх совершенства в сем роде, по крайней мере, выше всего того из од, что мы ни имеем похвального у себя поныне. Боже мой! кому он ее письменная еще не читал? Из смыслящих и незнающих, из знакомых и неведомых себе, словом, кто б к нему ни пришел, или к кому б он сам с нею не прибежал, всех убивал ею. Был он тогда с нею точная Горациева пиавица, которая от тела не отпадет, пока вся кровию не наполнится. Завел ли б кто слово о высоком при нем стиле? Тотчас он одну некоторую строфу из сея оды в пример ставил, и говорил необновенно, что сия есть совершенный образец высокости; а прочее все или недостаточно, или пустошь. Продолжал он сам свою похвалу довольно чрез многое время; а надеюсь, что и ныне еще сего ж самого он при случае не оставляет. Удивительно было видеть его к тому устремление и жар защищения, ежели б кто дерзнул сказать, что не токмо та строфа, но и вся его Ода есть из самых посредственных. Но я вам, государь мой, доношу, что она еще меньше посредственна, нежели сколько порочна: вы изволите увидеть то сами.

Оставим брани и победы,
 Кровавый меч принял покой.
 Покойтесь мирные соседы,
 И защищайтесь сей рукой,
 Которая единым взмахом
 Сильна повергнуть грады прахом,
 Как дерзость свой подымет рог,
 Пускай Гомер богов умножит.
 Сия рука их всех низложит
 К подножию монарших ног.

Второй стих окончен *покоем*, а третий начинается тем же самым звоном, а именно, *покойтесь*: сие все знатные пииты почитают за порок, а особливо в одах. Но и кстати ль повелевать мирным соседям покоиться? Они, когда мирные, то тем самым давно уже в покое и без принуждения их к тому; лучше б было, если б автор употребил слово *дружные соседи* вместо *мирные*. В четвертом стихе автор соседям же говорит: *и защищайтесь сей рукой*. Но при том не изволил он нам изъяснить, сия рука есть чья, которая толь есть сильна; ибо нам самим невозможно никак догадаться. Местоимение указательное *сей* показывает токмо руку; но рука сия чья, того не объявляет. Выше имеем мы из имен *брань, победу, меч*: по сему, рука сия толь сильная долженствует быть или бранная, или победная, или мечная: соседней быть ей нельзя, для того что должно им ею защищаться. Но положим уже, что она монаршая; то и в сем разуме нескладно автор употребил слова *к подножию монарших ног*, вместо *к подножию своих ног*; или, *своих монарших ног*. Да и к подножию ног хорошо ль? Всеконечно подножие есть не рук. А хотя и есть у нас во псалмах: *поклоняйтесь подножию ногу его*; но сие есть перевод, и может быть, что на еврейском языке имя *подножие* не производится от ног, как то и на Латинском *scabellum* не от ног же. Низложить гордого к монаршескому подножию, и без приложения ног, есть весьма дело славное и героическое, а гордому чувствительное. Шестый стих есть неправильного сочинения, для того что не по свойству нашего языка повергаются *грады прахом*, но надобно *в прах*. Осмый, *пускай Гомер богов умножит*, есть как пустой, так и негодный. Что означает автор чрез Гомера, и чрез умножение его богов? Гомер был пиит, и описал баснословно Троянскую войну и похождение Улиссово; а боги его были все ничто, то есть не было их в самой вещи. Какая же хвала, что сия рука низложит таких, которых не бывало, и быть уже они не могут? Да и на что толь в важной Оде, коею автор благочестивейшую самодержицу нашу воспеть по достоинству тщался, баснословец Гомер (который впрочем од не писал, и потому брать его в образец неприлично) и ложные боги? В самом баснословии брань имели с сими богами титаны и гиганты, которые одинако за злочестивых и там почитаются. Что больше? Стих сей, *пускай Гомер богов*

умножит, есть и ложный по мысли, и нечестивый по разуму. Ежели б вместо его у автора был такой, *пусть зависть нам врагов умножит*, то б в строфе сей ложного и негодного быть ничего не могло. Впрочем, у автора по седьмом стихе стоит запятая, а должно стоять двоеточию.

2

О! дерзка мысль, куды взлетаешь?
Куды возносишь пленный ум?
Елисавет изображаешь,
Ее дел славных громкий шум
Гремит во всех концах вселенны,
И тщетно мысли восхищенны.
Известны уж ея хвалы,
Уже и горы возвещают
Дела, что небеса пронзают,
Леса, и гордые валы.

Первые осмь стихов в сей строфе все изрядны, кроме слова *куды*, вместо *куда*, и кроме *взлѣтаеши*, за *взлетаеши*. Но автора нашего такая участь, чтоб ему нигде без погрешностей не быть: ибо два последние стиха, первое, что темны и обоюдны, а другое что противный намерению автору разум имеют. Можно догадываться, что автор так хочет мысль свою показать, именно ж, что *делами небеса пронзаются*, и совокупно *леса* и *гордые валы*. Но понеже как *дела* среднего рода во множественном числе и в винительном падеже, так и *небеса*; то чем он доказывает нам, что у него точно оный в сих двух стихах разум? Ибо равным образом можно разуметь, что небесами, лесами и валами дела пронзаются, толь наипаче, что возносительное *что* так же в винительном падеже и во множественном числе. Вот коль ясно автор наш сочиняет; или лучше, вот как он умеет сомнительный определять разум. При том, изволит ли он знать, что глагол *пронзаю* есть тож что и *прободаю*? Итак, что то у нас за разум, когда дела прободают небо, лес и гордую волну? Но скажет, что он взял *пронзаю* за французское *регсег*; однако метафора сия у французов употребительна, а у нас она странна и дика, еще и никакия пошлыя в сем разуме не означает идеи.

Что очень хорошо на языке французском;
То может в точности быть скаредно на русском,

как то сам автор говорит в Эпистоле о русском языке, хотя впрочем второй его стих и неисправен в цензуре. Того ради, вот, государь мой, обоим его сим стихам надлежало быть **каким:**

Дела, что в небо проникают,
В леса, и в гордые валы.

Глагол *проникаю* есть точно то, что у французов *pénétrer*. С другой стороны, препинания и в сей строфе у автора худы:

ибо по третьем стихе надлежит быть двоеточию, а не запятой; по пятом точке, а не запятой; по шестом двоеточию, а не точке.

3

Взгляни в концы твоей державы
Царица полуношных стран,
Весь север чтит твои уставы
До мест, что кончит океан,
До края областей безвестных
Исполнен радостей всеместных
Что ты Петров воздвигла прах.
Дела его возобновила,
И дух его в себе вместила
Являя свету прежний страх.

Помнит ли почтенный автор, что он оду сочинял, то есть самый высокий род стихотворения? Но положим, что он в твердой был памяти; то для чего же не старался он о выборе слов? Ода не терпит обыкновенных народных речей: она совсем от тех удаляется и приемлет в себя токмо высокие и великолепные. По сему, чего б ради ему не положить *вспзри* вместо *взгляни*? Видно, что ему звон литеры (*я*) есть мил: ибо он вместо правильного *клену*, пишет смешным образом *клян*у: а для чего? Сам он не знает; да и право не имеет твердого основания; но о сем после. *Твоей державы*, вместо *твоея*, неправо и досадно нежному слуху. Искусные никогда не напишут *океана* *окианом*. Окианом выговаривают токмо такие люди, которые подобны знанием автору; а из знающих, что оно есть греческое слово, и что пишется *ὠκεανός*, никто не напишет окианом. *Петров прах*, употребленный автором в сей строфе, есть уничтожительное изображение. Надлежало было ему не вносить такие низкости, когда б в нем находилось столько благоразумия, чтоб он мог о сем рассудить. Всякому читателю, имеющему ревнительное сердце к бессмертной славе государя нашего *Петра Великого*, жаль, что толикого монарха тело называется от автора прахом. Благоразумный и богослов, и в приличной нравоучительной материи, назовет его или перстию, или мертвенностью, или останками, или как инак, только ж с почтением. Того ради, сим бы следующим образом лучше могло быть последнее его четверостишие:

Что ты Петра воздвигла нам,
Дела его возобновила,
И самый дух в себе вместила,
Являя прежний страх врагам.

Ясно вам, государь мой, что мысли все авторы, а подлости нет никакия в изображениях; и еще порочное и повторение *его его* выкинуто.

4

Стенал по ней сей град священный.
Ревел великий океан,
В последний облак восхищенный,
Лишен, кому он в область дан,

И в Норде флот его прославил,
В которых он три флота правил.
Своей рукой являя путь.
Борей бесстрашно дерзновенный
В воздушных узах заключенный
Не смел прервать оков и дуть.

Не говоря уже ничего об авторовом окиане, желательно б мне было знать, кто в *последний облак восхищенный, лишен?* Град ли священный, или великий окиан? Да и что значит, в *последний облак восхищенный, лишен, кому он в область дан?* Толь высоко автор изволит писать, что уже и за разум залетает. О! дерзка авторова мысль, куда взлетаешь, не имея высокопарных крил и за тем не подымаясь от низких своих долов ни на вершок? Просим тебя, мысль дорогая, не летай толь высоко, да изображай себя пожалуй с надлежащею только ясностию; в чем поистине и может тебе удасться, ежели твердо будешь знать грамматику и все ее свойства: ибо в сей же строфе шестый стих. *в которых он три флота правил* порочное имеет правление; для того что глагол *правлю*, означающий повеление к правлению, а не действие самое правления, правит творительным падежем, а не винительным, чего ради и надлежало ему быть, *в которых он тремя флотами правил*. Что ж возносительное в *которых* соединила ты с Нордом и флотом, то худо: ибо такие местоимения с одним предыдущим единственным или множественным соглашаются, о чем-было тебе знать должно было. Чего ради, надлежит вместо *в которых*, поставить *где*. Но при всем том, здесь есть ложь и в самом бытии: ибо *Петр Великий* управлял в Норде четыре, а не три флота, а именно, российский, аглинский, датский и голландский. Но от сего ль нам пиита должно ожидать исправности, а особливо историческия? По первом стихе надлежало быть точке с запятою; а по четвертом должно было поставить двоеточие.

5

Ударом нестерпима рока
Бунтует воин в страшный час.
Отдай Петра, о смерть жестока.
И вооружись противу нас.
Хотя воздвигни все стихии,
И вооружи против России,
Пойдем против громовых туч;
Но тщетно горесть гнев раждала
И ярость воинов терзала:
Сокрыло солнце красный луч.

Нет, государыня мысль, кою автор наш не умеет правильно изъяснять, не ударом нестерпима рока бунтует воин, да или от удара, или с удара, или в ударе, или при ударе, или по ударе, или за удар, или напоследок ради удара. Впрочем, видно вам, государь мой, что строфа сия наполнена наглаголиями *противу* и *против*, да глаголами *вору-*

жись и воружи. И понеже в ней нет различия в словах; того ради не может она названа быть одического строфою. Могла б она быть исправнее и краснее сим образом:

В ударе нестерпима рока
Бунтует воин в страшный час:
Отдай Петра, о! смерть жестока,
А вооружись косою на нас:
Хотя ж воздвигнешь все стихии,
И встанешь ты против России;
Не усташимся громных туч.
Но тщетно горесть гнев раждала.
И ярость воинов терзала:
Сокрыло солнце красный луч.

Вами, государь мой, свидетельствуюсь, что моя строфа во всем его исправнее. Ибо сочинение в ней правильное; а при том различие слов введено, и предъидущее с последующим сопряжено. По втором стихе у автора стоит точка, а надобно быть двоеточию; так же и по четвертом вместо точки двоеточию ж. По шестом автор положил запятую, а надобна тут точка с запятою. По седьмом у него точка с запятою. но должно поставить точку.

6

Тобой возшел наш луч полдневный
На мрачный прежде горизонт,
Тобой разрушен облак гневный,
Свирепы звезды пали в понт.
Ты днесь фортуна нам пленила,
И грозный рок остановила,
В единый миг своей рукой
Объяла все свои границы.
Се дело днесь одной девицы
Полсвету возвратить покой.

Автор предыдущую строфу окончил хотя *лучем*; однако сию последующую почитай непосредственно тем же *лучем* начинает. Сие значит, что он или мало наших слов знает, или не чувствует в сем порока. Что мешало поставить ему здесь вместо луча *свет*? Кто ударяет слово *разрушен* на у, как же здесь автор, тот сказывает, что оно взято вместо *разрезан*; ибо вместо *раззорен*, как то и кажется, что автор то означает, надобно ударить сие слово на *шен* — *разрушен*. Но прошу, государь мой, сказать мне, что значит, *разрушен облак гневный, и свирепы звезды пали в понт*? Да и может ли кто быть толь великий Аполлин, который бы мог какой ни будь найти в сем разум? Сие точно самое называется сумбуром, незначающим никакия мысли. В седьмом стихе слово *миг* есть подлое и следовательно не одическое. Вместо его высоким стилем говорится *мгновение ока*. Может статья, что слово *миг* автор предпочитает *мгновению* по привычке своих очей. В нем же поставлено *своей рукой* вместо *твоей рукой* худо: ибо речь идет взывательная, и обращена она ко второму лицу. Для сея ж самые причины и *свои границы* за *твои границы* худо ж

и неправильно. Напоследок, по втором стихе автор изволил положить запятую вместо точки с запятой; сие ж самое и по третьем стихе. По четвертом не точке надобно стоять, но двоеточию. По шестом не запятой, но точке с запятой; так же и по седьмом. Последний стих окончен точкою; а надобно было его окончить удивительною: ибо тут так называемая фигура эпифонема, то есть возглашение.

7 Отверзлась вечность, все герои
Предстали во уме моем,
Падут восточных стран днесь вои,
Скончавшись в мужестве своем,
Когда Беллона стрелы мечет,
И Александр в победах блещет
Идущ в Индийские страны,
И мнит достигнув край вселенны
Направить мысли устремленны
Противу солнца и луны.

8 На Вавилон свой меч подьмлет
К стенам его идущий Кир,
Весь свет его законы внемлет,
Пленил Восток, и правит мир.
Се ищет Греция Елены,
И вержет иллионски стены,
Покрыл брега Скамандры дым,
Помпей едину жизнь спасает,
Когда Иулий смерть бросает,
И емлет в область свет и Рим.

9 Не вижу никакия славы,
Одна реками кровь течет,
Алчба всемирныя державы
В своих перунах смерть несет,
Встают народы на народы,
И кроет месть Пергамски воды
Похвальный греков главный царь.
Чего гнушаются и звери,
Проливши кровь любезной дщери.
Для мщенья багрит олтарь.

Боже мой! сколько автор положил в три сии строфы прямая и баснословная истории! Да на что все сие тоlikое велеречие? Для изъявления, что во всем свете много войны бывало! Изрядно. Однако в седьмой строфе автор прорицает о прошедшем, что у него *падут восточных стран днесь вои*, которые давно уже пали, и говорит неправо, что ему *отверзлась вечность*: ибо ему отверзлась вместо ее *древность*, для того что все оные герои, коих автор упоминает, были в древности в рассуждении нас, а не в вечности. Вечность единому токмо богу свойственна, а не героям. Ежели б я не был совершенно уверен, что автор отнюдь не знает богословия, то б подумал, что он говорит о так называемой у богословов *предней вечности*, *aeternitas a parte ante*. Однако и сия вечность есть божия, коея в середине, что до нашего разума, мир и все твари пребывают; а от сея, и также по

кончине тварей, пойдет задняя вечность, aeternitas a parte post. Но я еще повторяю, что сие вечности разделение есть токмо слабого нашего понятия: ибо свойство божиея вечности есть в том, что она состоит вся и целая в одном пункте. А так? Превосходит сие пределы нашего ума: одно токмо мы знаем, что нет в ней ни начала, ни середины, ни конца. Есть и еще вечность, коя называется вековечностью*; а имеет она начало, но не имеет конца. Сия принадлежит до умных и бессмертных тварей. Удивительно, что господин автор в ложной своей вечности не нашел при толь многих походах и сражениях, так же и Тебанския⁸ баснословныя жвойны. Однако, он вместо ее наградил нас упоминанием пятаю о Троянской, ведомой ему из Дациерина Гомера⁹, а о Тебанской оной знатно что не слышал он сам никогда, для того что Стаций¹⁰ не переведен на французский язык с латинского. В осмой строфе в четвертом стихе поставлено *правит мир* неправильным правлением за *правит миром*; а в шестом стихе говорит автор: *и вержет Иллионски стены*, неправо ж, для того что глагол *вержет* есть неупотребительный, а надобно было ему сказать *повергает*. *Иллионски*, вместо *Илионски* есть неправо ж: ибо ἥλιος (солнце), отчего Илионом город Троя назван, пишется по Гречески одною ламвдою, или нашим (л). В сей же самой строфе каким дымом у автора покрываются берега реки Скамандры? Ибо когда греки воевали против Трои, тогда как у них, так и у Троян не было еще ни бомб, ни пушек, и никакова огнестрельного оружия. Того ради, что чрез сей дым надобно разуместь, того не знаю, разве только или мглу, или пыль, или уже подлинно оный дым, который был от огня, как греки жгли Трою: однако делали они сие тогда, когда уже всеконечно взяли город обманом, а не когда еще осаждали. Но в последнем стихе сея ж строфы, что нам за диковинку автор предлагает, когда *Иулий емлет в область свет и Рим*? Не великая поистине штука, весь свет взявши, взять уже Рим город: Рим заемлет самую малую и нечувствительную частицу вселенныя. Но превеликое дело то, чтоб Иулию, взяв Рим, покорить тем самым весь себе мир, как то и подлинно там тогда было. Автору не позволил Скамандрин дым положить прежде Рим, а потом свет. Но что нам нужды, что рифма привела к тому автора? Нам надобен токмо эмфазис, то есть сильное изображение. Надлежало-было стараться о том автору, чтоб и эмфазис, и рифма были у него между собою согласны. В девятой строфе осмый стих: *чего гнушаются и звери* долженствовал положен был девятым вместо сего: *проливши кровь любезной дщери*; а сей вместо одного осмым, ибо так, как у автора они расположены, смысл в нарочитом есть смешении. С другой стороны, *любезной дщери*, вместо

* aeternitas.

любезная дщери, есть неправильно и досадно слуху, для того что существительного имени *дщери* есть полный родительный падеж, а прилагательного *любезной* есть сокращенный, или лучше развращенный от народного незнания, а в самой вещи он есть дательный. Следовательно, в красном сочинении дательный падеж за родительный употреблять очень худо. Впрочем, о строчных препинаниях в сих трех строфах я уже не упоминаю, и упоминать больше нигде об них не буду: довольно токмо вообще сказать, что автор их ни знает ни ведает, и для того меньше ему сплеток. Да и как знать такому писателю, который не токмо не учивался периодологии, и не слыхивал ни от кого о разности периодов, об их членах, и об их существенных частях, но и не сочинивал ни одного еще поныне правильного периода. Но кто всего того не смыслит, тому знать и препинания, как от сего единственно зависящие, очень трудно. Излишно уже говорить об общей сумесице в сих трех строфах: сам всякий читатель может то видеть с первого взгляда. Сперва у него Александр Великий воюет; потом Кир идет, который был прежде Александр, на Вавилон; после, тотчас Греция соглашается на Трою, и уже требует силою Елены, а сие было задолго прежде Кира. Но вот и конец римския республики непосредственно после Кира: Иулий с Помпеем междоусобно сражаются, так что Иулий смертию как мячом в Помпея бросает, хотя от Кира до сего времени и много лет прошло. Что ж еще? паки война при Трое, и месть как одеялом кроет Пергамски воды. Что ж и напоследок? Так называемый, только ж впрочем не логический, *круг порочный*, то есть Агамемнон еще не начал Троянския осады, хотя уже месть и кроет Троянские реки: ибо он приносит дщерь свою Ифигению в жертву богам прежде нежели еще месть покрывала Пергамски воды. Не энтузиазм ли то, государь мой, нетрезвый? или лучше не сумбур ли то прямо сумбурный, где круглое с четверугольным смешано? Надобно, чтоб наш автор чрезчур хватил Гиппокренския воды, когда он сие сочинял.

13

На грозный вал поставив ногу,
Пошел меж шумных водных недр
И положив в морях дорогу,
Во область взял валы и ветр,
Простер премудрую зеницу,
И на водах свою десницу,
Подвигнул страхом глубину,
Пучина власть его познала,
И вся земля вострепетала,
Тритоны успели песнь ему.

Дошел я до той, государь мой, строфы, которой автор цены не ставит, которую выше всего красного из сочинений почитает и в которой полагает он пример всяя пиитическия

высокости. Подлинно, презрядный в ней жар и движение; однако как много в ней ложных мыслей, так и не сходственных с мыслями слов. Она вся то, что у французов называется *фебюс*; а мы можем назвать, *надутых пузырей пускание, или ртом облаков хватание*. В сей строфе говорит автор, что *подвиглась страхом глубина, и пучина власть* Петра Великого *познала*, когда пошел он кораблями по морю; однако *на грозный вал поставил он ногу*. Как же мог уже вал быть грозен, как самая малая часть вся глубины, которая однако страхом подвиглась, и вся также пучины, коя и сама во власть отдалась? Всяк видит, что сего вала пустые уже грозы: а следовательно *грозный вал с страхом глубины* и с *подданством пучины* не сходствует. Сие значит, что автор не больше о сходстве в смысле, сколько о звонких словах, хотя и пустых, старался. Но не звонкое ль бы которое нибудь слово было, когда б автор вместо *грозного вала* поставил или *быстрый*, или *зыбкий*, или какой другой вал? Однако сии слова не показались автору; а не показались может быть для того, что они сходствовать будут с последующим изображением, именно ж, с *устрашенной глубиной* и с *подвергнутою пучиною*: ибо автору надобен токмо звон, а кроме того ничто: ему и *Лев Исавр*¹¹ пышным кажется именем, как то я сам несколько раз от него слышал. Удивительно, как он сего пышного имени в громкой сей строфе не поставил. Для его сочинения все равно, что *на грозный вал*, что *на Лев Исавр*. Второй стих авторов идет *меж шумных водных недр*; а сие значит, что он идет между валами: однако, нога была сперва поставлена на грозный вал, и потому, надлежало было итти *по грозным валам* не боясь, а не пробираться между валами. Третий стих *пролагает в морях дорогу*. Сим Автор означает, что флот идет под водою: но ежели б пролагаема была дорога *на морях*; то б всеконечно корабли так шли, как они ходят, именно ж по поверхности вод. В пятом стихе *простирается зеница* ложною мыслию; а о сем уже доказано, где я вам, государь мой, предлагал о шестой авторовой строфе парастическия оды. В последнем самом стихе сея строфы *Тритоны вспели песнь* благополучно обладавшему морем. Но что то за козьи рога, которые в мех не лезут? Как? при толиком шуме, при толиком страхе, ужасе, при толиком трепете и пременении, для того что нога ставится на грозный вал, ход делается между шумными водными недрами, дорога пролагается в морях, в область берутся валы и ветры, простирается на водах зеница и десница, подвигается от страха глубина, пучина под власть подвергается, и вся земля трепещет, одни Тритоны могут быть спокойны и непоколебимы, и еще так веселы, что они с радости поют песни! Значит, что сии Нептуновы музыканты были пьяны; иначе, надлежало им играть в свои роги или тревогу или плачевную арию, для того:

что Нептун, государь их, скиптра уже лишился в предыдущей второй-надесять строфе, а следовательно и им нечего тут ждать доброго. Сами извольте рассудить, государь мой, коль малое рассуждение у автора. С другой стороны, на что сии Нептуновы песнопевцы здесь? Не можно ль бы христианину было и без них обойтись толь в важном описании? Боже преблагий! Благочестивейшему императору, истиннейшему христоролюбцу и правовернейшему христианину, в вере скончавшемуся, богомерзкие тритоны песнь поют! О! Коль благоразумно в оде на восприятие престола всепресветлейшей нашей самодержице удивляется лик небесный, зря идущую ее в ночном мраке: ибо пиит оный знал что писал и имел рассуждение: того ради и поет не вреда христианства, но еще и с большим автора нашего великолепием, говоря:

О! вы недремлющие очи
Стрегущие небесный град!
Вы бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спят,
Взираете сквозь тень густую
На целу широту земную.
Но чаю, что вы в оный час
Впротив естественному чину
Петрову зрели дщерь едину,
Когда пошла избавить нас.¹²

Нет тут языческих божков, нет тут ни Нептунов, ни тритонов: зрят тут недремлющие очи, стрегущие небесный град: то-есть, зрит тут хор небесный. Сей хотя б тогда не зрел токмо с удивлением на Петрову дщерь, но еще при том, хотя б и помог, и по успехе хотя б и всесладосную песнь воспел; однако, признаваемый христианами, весьма б он прилично у пиита сего все то сделал <...>

17

О боже, восхотев прославить
Императрицу ради нас,
Вселенну рушить и восставить,
Тебе в один удобной час,
Тебе судьбы суть все подвластны,
Внемли вопящих вопль согласный,
Перемени днесь естество,
Умножь сей девицы леты,
Яви во днях Елисаветы,
Колико может божество.

В первом стихе сея строфы поставлено деепричастие *восхотев* вместо причастия *восхотевый* или *восхотевший* неправо, как то всем знающим чувствительно. В четвертом стихе прилагательное имя положено за надглаголие, то есть *удобной* за *удобно*, толь странно, что нарочитая могла б быть причина подумать, что то ошибка типографская, ежели б сам автор наш был исправен в языке. В шестом стихе *вопящих вопль* никакия красоты не имеет, и еще повторением сим

чувствительную досаду делает слуху, толь наипаче, что вместо *воплъ* можно было поставить автору *глас*: да и *вопящих* вместо *вопиющих* есть весьма неисправно. В седьмом стихе автор желает, чтоб естество было от бога переменно. Великого, нерассудного и отнюдь невозможного он просит! Бог премудростию своею предусмотрел, благодтию предизбрал, а всемогуществом произвел самый преизрядный и самый превеликий мир. И так, желать, чтоб самое изрядное и самое великое было переменено, то желать, чтоб оно хуже и меньше было. Ежели б он желал, чтоб переменен был чин некоторого частного движения в естестве, как то, чтоб солнце назад уступило, или вперед бы подалось, говоря по виду, то б сие согласно было с премудростию, благодтию, и всемогуществом Божиим. Осмый стих есть не стих, но токмо строчка: ибо он надлежащая своя меры не имеет, а именно, недостает в нем одного склада. Того ради, надлежит ему быть следующему:

Умножи сей девицы леты

или правее

Умножь сея девицы леты.

Леты положены как *селы* за *лета* всеконечно против грамматического рода и против искусных людей употребления: о сем уже я предложил выше. Впрочем, кажется, что автор сие нарочно делает, подражая такому употреблению, которое ввели и ныне вводят такие люди, кои никогда и не слыхивали, что есть в грамматике три рода, а именно мужеский, женский и средний. Но что за в бездну свергса автор из-под небес? Ибо девятый его стих в соединении с десятым имеет явную противность закону. Изображает ими автор сию свою мысль:

Яви во днях Елисаветы,
Колико может божество.

О! Неправоверия, всем довольно смыслящим явного, но одному токмо автору нечувствительного! Кто просит бога, чтоб он явил в нынешние дни, колико есть всемогуще его божество, тот разумеет, что бог ни прежде сих дней, ни от века, ни поныне, словом, что он никогда еще не являл ничем и ни в чем божественного своего всемогущества. Вот, государь мой, до чего доводит необученное мудрование! Я вас уверяю твердо, что другого разума сим его двум стихам отнюдь дать невозможно, как бы кто сие, благоприятствуя автору, ни хотел толковать; да еще и толковать сего иначе невозможно. Однако, я совершенно ведаю, что смысл авторов нечестствовал не с умысла, но от незнания: того ради, дадим сим его стихам православный разум и напишем вместо

Яви во днях Елисаветы,
Колико может божество

таким образом:

Являй и в дни Елисаветы
Колико может божество

или так не хуже ж:

Являй и в дни Елисаветы
Что ты всемошно божество.

Видели мы, государь мой, что сия авторова ода порочна сочинением, пуста разумом, темна и обоюдна составом слов, низка безразборными речами, ложна повествованием бывших дел, непорядочна, наполнена без нужды повторением тех же самых слов, неисправна в мере стихов, бесрассудна в употреблении баснословия, напоследок, а сие всего прочего хуже, отчасти и неправоверна. Но посмотрим, есть ли еще во всей в ней какая твердость и дельность: то есть, коль вымышленно и искусно автор воспевает самодержицу нашу: и все ль, или одну кою из преславных ее добродетелей прославляет: так же и все то производит он каким порядком. Сие мы тотчас увидим, когда сея оды представлю я план, по которому и объявятся авторовы мысли и изобретение; ибо все сие в оде велеречием прикрито. И так, вот ее все нагое содержание:

«Полно нам воевать, мы уже покой имеем; да и вы, соседи, покойтесь, и надейтесь на сию руку, которая всех неприятелей, сколько б их ни было, преодолее. Но чего ради я толь дерзок, что Елисавету хочу прославлять: она и без меня несравненно прославлена. О тебе вся твоя пространнейшая Россия и держава радуется: ты нам Петра Великого оживила. По нем, как он скончался, плакал Санктпетербург, и самый океан: и сколько воины ни укоряли смерть, и ни ярились на нее, однако ж Петра Великого не возвратили, и его уже нет в живых. Но ты нам тишину, спокойствие, и благополучие принесла. Я вижу теперь в древности прежестокое брани: воюет Александр против Индии; Кир идет на Вавилон; Греция отыскивает Елену; Помпей от Иулия бежит, а Иулий покоряет свет и Рим. Но во всем том, что народы встают на народы, и что Агамемнон проливает кровь дочери своя, какая слава? сладость в том, что мы все Елисавете подвластны, и что она толь нас любит, что хранит нашу жизнь и щадит нашу кровь. Не было еще зари, как боговенчаемую самодержицу встретила Россия; когда та полсвета себе покорила. Вот же и море почувствовало, что Петр Великий паки им владеет: пошел он по нем и устрасил всю пучину. Ты к нам правосудие ввела и милосердием всех объемлешь; ты тишину подала и бурю разогнала. Хвала твоя так высока, как кедр: гром твой колеблет небо, и молния воздух раздирает: словом, ветры, моря, горы, и леса твои, и тебе послушны. Ты нас обрадовала и всем нашим желаниям конец подала исполнением. О! боже, перемени естество,

умножь сея девы лета, и ныне при ней яви, колико может твоя сила».

Вот, государь мой, все содержание сея оды, которое не токмо от меня не обессилено, но еще и украшено. Прошу ж сказать по справедливости, можно ль прямо видеть, какое есть авторово намерение, и что он прославляет? Начал он миром, грозит паки войною, уверяет, что он не способен хвалить самодержицу, описывает всея России пространство и радость, крушится о смерти Петра Великого, радуется о добре, дарованном России монархиною, негодует, что в свете великие войны бывают, поздравляет нам и себе, что мы Елисаветины, ликует, что в темноте еще ночной Россия покорившую полсвета владычицу встречает, оживляет Петра, и плавающего в море, так же и завладевшего оным вводит, хвалит паки самодержицу, что она правосудна и милостива, что хвала ее велика и что она сама сильна и страшна; напоследок, просит бога об умножении ей лет. Что ж все сие, государь мой? Радуется ль он особливо, что самодержица наша восприяла прародительский престол? Веселится ль, что мы спокойствие получили, и инде везде бывшие ж брани оплакивает? Плачет ли он, что мы Петра Великого лишены? Или торжествует, что в особе самодержицы наша всяких благ мы сподоблены? и что по великим ее добродетелям и хвала ее ж велика? Всего того много, и все оно достойное; но какая единственно цель есть авторова? Слов довольно; но все сии слова как пронизки на шнур без разбора положены: нет связи, нет соединения, нет расположения, нет порядка; одно токмо, что было нечто сочиняемо, и сочиняемо так, как попало. И хотя ж оды свойство есть такое, по мнению автору, что она *взлетает к небесам, и свертается во ад, мчась в быстроте во все края вселенны, врата и путь везде имеет отворенны*; однако сие не значит, чтоб ей соваться во все стороны, как угорелой кошке, но чтоб ей по одной какой линее, по прямой, или круглой, или улитковой взлетать к небесам и опускаться в дол; то есть, беспорядок ее долженствует быть порядочен и соединен и нестись чрез все горы и доли, выше, как говорят, деревья стоячего, и облака ходячего, к одному токмо главнейшему делу. Инако ода будет не ода, но смеха и презрения достойный сумбур. Сей у того не может не случиться, что токмо один надутые пузыри пускает и хватает ртом облака. Я заключаю о сей авторовой оде, и то по самой искренности и по правому моему разумению. что она, не касаясь, впрочем, ко всеблагословенному в ней имени божию и ко всеагустейшему монархину, из негодных негоднейшая: ибо, как сам автор говорит в Эпистоле о русском языке:

Нет тайны никакой безумственно писать,
Искусство, чтоб свой слог исправно предлагать,
Чтоб мнение творца воображалось ясно,
И речи бы текли свободно и согласно.

Я при том долженствую вас, государь мой, уведомить о мой прошибочке: ибо сия ода есть не вторая по порядку у автора, но первая, для того, что она сочинена и напечатана 1743 года, а которую я рассматривал прежде, та 1744 года. Но хотя я в сем и погрешил, однако моя погрешность весьма порядочнее авторовы сея оды: ибо я рассматривал в первом месте ту оду, коя прославляет бога, а во втором, о самодержицыных похвалах. Надеюсь, что за мой анахронизм, для приличного божним и самодержицыным хвалам места, можете вы меня способно простить, и толь наипаче, что от сего перемешания времен не может ничего последовать вредительного.

Я обещался вам, государь мой, рассматривать после од трагедии нашего автора, и по ним также эпистолы; но теперь признаюсь, что я вам не сдержу данного слова. Прошу, чтоб вы благоволили быть довольны сим токмо моим од его рассмотрением, и по сему полагать, а полагать достоверно, что все прочее авторово сочинение есть равно такие ж исправности. К неустойке меня привела не леность, но всеконечная невозможность, чтоб далее продолжать рассуждение: господин автор такой нашел способ, что, кто б смыслящий ни принялся за его трагедии, всяк тотчас увидит, что нельзя к ним пристать. Нет в них ничего, или уже превесьма мало того, что б порочно не было. Ежели б автор такова был состояния, чтоб он, по сочинении их, мог попросить своих приятелей дабы они неисправные в них места, читая у себя наедине, означили прилепленным вошечком; то б всеконечно надобно было. растопив воску в сосуде, опустить их обе в воск, и тем все их залепить для изъявления, что все в них неисправно. В прочих народах рассматриватели красных сочинений счастливы, для того что у их авторов всегда несравненно больше хорошего, нежели недостаточного: но я следовательно толь неблагополучен в моем предприятии, что необходимо надобно все на-все худым огласить, и чрез то подать неповинно причину к подозрению на себя, что я то делаю по некоторому пристрастию. Однако, я клянусь совестью моею, что я утверждаю об авторовой всеконечной неисправности по правому и беспристрастному моему разумению. Когда б больше было сияния, нежели мрака в его стихах, то б *малое не могло затмить премногого и досадить смотрителю*, как то Гораций говорит. Но в авторовом сочинении весьма больше тьмы, нежели света, который, впрочем, так слаб, что его почитай не видно. Я не желаю, чтоб вам просто моим словам верить: я вам непреодолеимо из премногого докажу самым малым, что все то сущая правда.

Известно мне, что вы имеете в вашей библиотеке трагедию Хорева: прошу ж повнятнее ее благоволить читать. Прежде всего вы изволите усмотреть, что премноего множество

иамбических его гексаметров в составе своем порочных, тем что пресечения не означают они иамбом; а означать оным в иамбических гексаметрах необходимо надобно; им во первых сама природа дала сие совершенство, для того что иамбический гексаметр состоит из двух триметров, а первейшая мера, по которой полное число стоп определенных в стихах познавается без прибавки и убавки одного слога, всякому иамбическому стиху есть мужеский стих, так как хореическому женский; ибо первого стиха стопа кончится долгим слогом, а второго кратким; сие знающему очень ясно. Следовательно, разбив гексаметр иамбический мужеский на два триметра, в обоих на конце непременно надлежит быть иамбу: правда сия само собою мечется в глаза, так что хотя б ей и не искать причины. Второе, первые сих иамбических стихов изобретатели всегда пресечение считают иамбом на своем языке. Должно знать, государь мой, что иамбический стих гексаметр есть стих особливо немецкого стихотворения, равно как и все прочие иамбические стихи; к нам они введены с образца стихотворения, употребляемого помянутым народом. Того ради, из премногих авторовых гексаметров, находящихся в Хореве, в Гамлете и в Эпистолах, и не имеющих в пресечении иамба, например из Хорева сии:

Отец твой воинством/ весь город окружает,
Щедрота поздная/ разгневанных небес,
Смешенна с казнию/ и лютою напастью
Хотя и некую/ часть вольности имею,

и все прочие, сколько их ни обретаются, порочны по составу своему. Я уповаю, что сего господин автор не чаял, чтоб кто мог сие стихам его в порок поставить; но он изволил как в сложении такова своего гексаметра обмануться, так, если и думал, что то не порок, и что в порок не будет поставлено, то он помышлял несправедливо, для того что сей порок очень есть велик и чистому сложению стихов весьма вредителен. От автора часто многие слыхали, как он говаривал о себе, что то он подлинно отец российского стихотворства, однако, невозможно его отнюдь назвать и вотчимом: ибо как количество российских стихов, а сие есть самое в них основание, и по оному хореический первый стих на нашем языке, так и иамбический по тому ж введенному уже тоническому количеству, есть не его, для того, что прежде правильные стихи начали быть употребляемы, нежели еще он знал, что хорей, и что иамб. Не он же ввел и сочетание стихов¹³ с самого еще начала нового нашего стихотворения об нем было уже упомянуто, звание ему дано, и в песенках действительно употреблено; а в важное сочинение ввел его первый и расплодил иамбических од сочинитель.¹⁴ Что ж осталось, чему б был наш автор отцом в нашем стихов составлении? Есть он, но пасынком нашего стихотворения: ибо оно у него и составом,

и сочинением, и гладкостью не родное: где где выскочит хороший стих в его сочинениях.

Посмотрим же теперь трагическую и эпистолярную его речь. Но какую я в ней вижу неравность? Вижу совокупно высоту и низкость, светлость и темноту, надмение и трусость, малое нечто приличное, а премногое непристойное; вижу точный хаос; все ж то не основано у него на грамматике и на сочинении наших исправных книг, но на площадном употреблении. Впервых, худо он умеет слова выбирать: ибо пишет в трагедиях *опять за паки, этот за сей, эта за сия, это за сие*. Неисправно кончит среднего рода имена во множественном числе, как то *озеры за озера, достоинства за достоинства, воздыхании за воздыхания, братиев за братий, подозрения за подозрений, правила за правила, правы за права, следствием за следствий, блаты за блата, железы за железа, действий за действия, несчастиев за несчастия, посольствы за посольства, отсутствием за отсутствий*. Все подобные окончания в именах пишут такие писатели, кои не тшятся о грамматической исправности, но автору нашему, как красного слога писателю, должно тшаться о всей красоте языка. Не чувствует он при разборе слов оных, кои худо в важное сочинение полагаются, для того что гнусное нечто по употреблению означают, и соединяют, как то *блудя, вместо заблуждая, какое б, вместо какое, а (б) или (бы)* можно относить к иным частям слова: то *тронуть* его, вместо привести в жалость за *французское toucher*, толь странно и смешно, что невозможно словом изобразить. Вы можете тотчас почувствовать неблагопристойность сего слова на нашем языке из околичности. В трагедии Гамлете говорит у автора женщина именем Гертруды, в дейст. II в явл. 2, что она

И на супружню смерть нетронута взирала.

Кто из наших не примет сего стиха в следующем разуме, именно ж, что у Гертруды супруг скончался, не познав ея никогда в рассуждении брачного права и супружеской обязанности? Однако автор мыслил не то: ему хотелось изобразить, что она ни мало не печалилась об его смерти. Того ради надлежало-было ему написать так сей стих:

И на супружню смерть без жалости взирала.

При том, вводит наш автор в свои сочинения неупотребительные слова, как то *впоследок за напоследок, не временно за не на время, мгновенно за во мгновении, отколе в Гамлете за откуда, надвела за навела в Хореве, бремяило за отягощало, сугублю за усугубляю, мечтуйся за мечтайся, жесточе за жесточае или жесточайше, из нова за из нового или*

просто *нового*; *умеряй, умеряючи* не знаю за что полагает. Многие он речи составляет подлым употреблением, как то: *паденье за падение, отмищенье за отмищение, желанье за желание, воспоминанье за воспоминание*; так *оружье, сомненье, понятие, безумье, Офелю, Полонья, за Офелию, Полония* и прочие премногие. Настоящие деепричастия за прошедшие пишет по площадному, как то: *пременя вместо пременив и пременивши, увидя за увидевши, усладясь за усладившись, утомя за утомивши* и прочие. Многие метафоры употребляет несвойственные, как то: *низвергнуться в пленение, таинство пронзить, ярость внемлешь, быть мило сурово*; и при том многие ж вводит так называемые катахризисы,¹⁵ как то, *в народы смерть метать, кидать в ветры знамена*: ибо все сие такого рода, как у Горация: *бежать рысью и вскачь на долгой палке*. Мило очень нашему автору непостоянное употребление слов как то: *инде ево, а инде на него, инде ея, а инде ее; инде свѣтъ, как то пребудь над градом свѣтъ! о свѣтъ останься здесь!* а *инде свет, как то света край*, и во многих еще местах. Сюда ж принадлежит и разновидное сочинение, как то: *инде не то меня летит, а инде не венец мне летит*. Сколько ж у автора солецисмов, то есть, ложных сочинений и составов словам, того и счесть, почитать, невозможно. Но малое из едва объятного вам здесь предлагаю. Пишет он: *скажите за скажете, услышилось за услышалось, увидючи за увидячи, слышил за слышал, оставшей за оставшейся, не принуждай мне то себе сказать за не принуждай меня, скиптр свой во зло вменяешь за скиптр твой, мне верности давно их внутренню явят за мне верности давно внутренность свою являют, пустите убежать мне вас умереть ныне за пустите, чтоб я побежал от вас умереть теперь, пусть кровию моею напьется вран в лесах за пусть крови моя напьется, Велькаром свободен нечаянно темницы за Велькаром свободен нечаянно из темницы, от третьей он стрелы падуц не мог встать более за от третьей он стрелы упадиши, бегут без памяти падут с коньми с гор в воды за бегут без памяти, падают, иметь мужество на место своего за иметь мужество вместо своего, скрыться грозных туч за от грозных туч, с юности моей за от юности моя, итти из градских стен за сходить с градских стен или итти из-за градских стен, сетуешь в смятении своем за сетуешь в смятении твоём, виню часть века своёво за виню часть века моего, какой ты помощи, княжна, желаешь мной за какия ты помощи, княжна, желаешь от меня, слабости свои могла я побеждати за слабости мои, взыти в царский одр за взыти на царский одр, на чью он жизнь алкал,— но на жизнь алкать сочинено весьма странно, ибо глагол алчу есть самостоятельный и не правит никаким падежем, то есть говорится просто алчу. Пусть прочтет автор послания святого апостола Павла, то и увидит во многих местах мою правду, а свою*

превеликую погрешность. Увидит он, что есть там: *еще алчет враг твой, до нынешнего часа и алчем, и ов алчет, еще кто алчет, навыкохом и насыщаются и алкати, не взалчут к тому*. Во всех сих местах глагол *алчу* стоит самостоятельно, как то называют наши грамматисты. Напоследок, есть в Гамлете у автора и *молящая тебе за молящая тебя*. Знаю, что автор сей солецисм исправил на листочке между погрешностями. Но достоверно знаю ж, что сии погрешности не типографские, но природно авторовы: ибо я сам моими глазами видел, что в рукописном подлиннике, писанном авторовою рукою, стояло *молящая тебе*; в последнем печатном листе, исправленном авторовою рукою и подписанном к печати, было *молящая тебе*; знаю и сие, что по напечатании автор взял к себе книжки с *молящая тебе*; но после как уже сказано было от доброго человека некоторому из его приятелей, что Гамлет напечатан с *молящая тебе* и с *поборник* вместо *противник*, о чем ниже; а сей его приятель ему самому сказал, что то знатное очень погрешение, то тогда уже наш автор узнал, что он грубо ошибся, да и где не так? и для того просил, чтоб листочик напечатан был с погрешностями исправленными. Однако не дерзнул он на том листочке написать так: *типографские погрешности*, но поставил просто: *погрешности*, для того что они не типографские, но его собственные.

Вот же вам теперь, государь мой, не правопись, но кривопись авторова, как то: *времен за времен, сонце за солнце, сердце за сердце, преждний за прежний, горячность за горячесть, куды за куда, туды за туда, таво, каво за того, кого, грамота за грамата, окрововленном за окровавленном, свет, во свете сем, не свету за свѣте, во свѣте сем, не свѣту, клянусь, клянү за кленусь, клену, растоваться за расставаться, со всем за совсѣм, притчиною за причиною*, ибо от глагола *чиню* и предлога *при*, *касу* за *косу*, *сетуй* за *сѣтуй*, *приемлю* за *пріемлю* для того что во все наши орфографии принято, чтоб пред гласными писать (і) а не (и). Но мне вероятно кажется, что к сей кривописи дал причину подобия автору Волтер: ибо сей первый из французов начал писать *français, anglais* вместо *françois, anglois*, хотя, впрочем, Волтер трагик великое имеет основание так писать; но наш автор так же трагик, только что не хочет видеть перемены в оном предлоге, когда он и при сложении, будто б литера (і), принятая в сии места, не того ж была у нас звона, что *и*. Но вся сия мелочь насторону: должно видеть ложные знаменования, данные от автора словам, а сие происходит от того, что автор отнюд не знает коренного нашего языка славенского. Пишет он *коль*, производя от подлого *коли*, за *когда* и *ежели*, весьма неправо и развращенно, как то в следующем его стихе:

Не так, свирепая, коль той твой вреден взгляд.

Всяк бы подумал по словам, что в сем стихе *коль толь* соответствующие себе взаимно частицы, ежели б разум стиха допускал так думать, для того что тут *коль* взято за *когда*. Так же и сие: *коль любишь, так скажи*. Всяк подумает, что разум тут сей, *коль много любишь, так и скажи*. Однако автор разумеет сие: *когда любишь, то скажи*. И по сему, *коль* за *когда* полагается от автора ложно, потому что *коль* значит *колико*. Пишет же автор *отселе* за *отсюду* не зная, для того что *отселе* значит *отныне*. Пишет он *область* за *власть* ложно ж, как то *какую область ты имеешь надо мною*, а говорит сие Оснельда Хореву дейст. I. явл. 3, стран. 15. Пишет он и *довлеют*, за *долженствуют*, как то *не их примеры нам во бранях быть довлеют*: однако слово *довлеет*, значит *довольно есть*, а не *должно есть*. Но славное в Гамлете слово *поборник*, в дейст. II. в явл. I выговоренное Клавдием, сколько в ложном знаменовании употреблено, столько и в смешном, для того что сие показывает, что или автор мало бывает в церкви на великих вечернях и на всенощных бдениях, или бывает, да не тогда, когда первый глас поется: ибо иначе, то б автор мог услышать в богородичне, начинающемся *Всемирную славу*, что слово *поборник* значит не *противника*, но *защитника* и *споспешника*. Следовательно, автор употребил сие слово за *противника*, говоря,

Се боже пред тобой сей мерзкий человек,
Который срамотой одной наполнил век,
Поборник истинны, бесстыдных дел рачитель.

крайно в ложном знаменовании. Впрочем, поправлено сие слово у автора на листочке между погрешностями, однако, я вас, государь мой, удостоверяю по самой истине о сем его исправлении тем же точно, что я вам донес прежде о *молящая тебе*, то есть, что автор тогда уже узнал свое погрешение, когда ему о том сказано и доказано было; а сам он сея смешныя погрешности отнюдь не чувствовал. Но как он и исправил? Вы думаете, что он прямо поставил вместо *поборника* *противник*? Весьма б он сделал правильно, ежели б поправил таким образом, для того что *противник* то ж самое имеет количество и ударение складов, что и *поборник*. Но наш автор поставил на листочке *рушитель* вместо *поборник*, то есть такое слово он поставил, которое у нас не употребительно. Буде б было *нарушитель* или б *разрушитель*, то б могло быть изрядно. Сие то называется по украински *поправиться с печи на лавку*. С другой стороны, в той же Клавдиевой молитве стишок сей к богу: *принудь меня, принудь прощения просить*, — мне несколько подозрителен; но я оставляю рассуждать о разуме православия его богословствующим; они знают, что содействие божие с действиями человеческия воли не бывает никогда по принуждению, но

только по предварению, по наклонению и по возбуждению к добру, и по удерживанию и отвращению от зла: иначе погибла б наша свободная воля, кою мы все внутрь нашей совести ощущаем... У автора нашего в трагедиях его и склонение имен, в состав косвенных их падежей, есть новое и необыкновенное: пишет он часто *любви за любви*; да и сие следующее: *заразов вместо зараз, глазами за глазами*, то ж свидетельствуют. Что ж до ударений то премное множество их совершенно развращенных: он их натягивает на иамбы так, как иамбу по мере стиха быть нельзя. Таким образом у него например неправо ударяется вреднейший за вреднейший; освирепел за освирепел; разрушил за разрушил; важнейше за важнейше; изыдите за изыдите; кроме за кроме; мечное за мечное; сие ж слово *против* пишет он непостоянно: *протів* и *протів*, но первое ударение есть неправое. Не знает автор также, когда и надглаголия надобно кончить на (*яе*) и когда на (*ѣе*), свидетель сему слово в Хореве *бесчинные* за *бесчинѣе*, ибо *яе* в сем слове есть неударяемое, и потому должно ему быть на (*ѣе*). Впрочем, что у него значит *накры*, того я не знаю, да не знают и многие, коих я о сем знаменовании спрашивал: по обстоятельству можно догадываться, что то бубны, однако толь сие не по нашему, что можно сказать: *разве по чухонски*. Слово сие употреблено в Хореве в IV дейст. в явл. I, а говорит Кю Сталверх:

Зовущие на смерть *по накрам* громки бои,
Являют каковы российские герои.

Но на что еще сии следующие два гриба в борщ, говоря по Украински: *для ради* вместо одного *ради*, или одного ж *для*? Как ода, так и трагедия не терпит площадного употребления. Автор наш не почитает же знать за порок, что он почитай непосредственно кончит свои стихи иногда одним звонным рифмы. Есть у него в одном месте в Хореве женская рифма *помогати, побеждати*; а чрез два стиха мужские рифмы, — того ж звона: *исполняти, утоляти*. Однако у добрых стихотворцев едва сие позволяется чрез десять стихов. Мал еще сей порок для автора: он и один и тот же стих двумя рифмами означает, может быть для показания, что он умеет из одного гексаметра два триметра сделать. Стих сей есть следующий:

Престань мне в том *пенять* и перестань *вздыхать*.

Подлинно, не весьма богата сия Рифма; да и авторово искусство не очень обильно: он трагическую свою любовь и сам называет шутками, говоря в Оснельдиной персоне:

Какое следствие любовным вижу *шуткам*?

Не спорим, трагическая любовь есть шутка; однако трагическому автору, как представляющему будто важное дело, не

надлежало ее называть шуткою, ибо подлинно любовь есть очень не шутка, да и зрители хотя знают, что все то есть в трагедии притворно, однако полагают важною правдою. Но вот у господина автора точное противословие в сем следующем стихе, который положен в третьем Хорева действии, во втором явлении, а говорит его Астрада:

Протився только в том поборно естеству.

Как? Госпожа Астрада велит *противиться* не *противно естеству*? Но что сие значит? Может ли кто противиться естеству, и в то ж самое время быть ему без сопротивления? Знать что автор хотел сим подражать Августа Кесаря обыкновенному присловию *σπεῦδε βραδέως* (*festina lente*), то есть: *спеши не спешно*. Казалось бы, что автор взял слово *поборно* за *противно*, как то и Гамлетов у него *поборник* взят за *противник*. Но в сем знаменовании какой будет разум в оном стихе? *протився только в том противно естеству*. Мать земля! Так ясно автор сочиняет, что не возможно и разума пошлого доискаться иногда в его сочинении! Впрочем, сколько ж весь сей Астрадаин совет Оснельде непорочен в рассуждении чистоты нравов, о том донесу я вам, государь мой, ниже. Как то ни есть, однако сходно ль с обстоятельством, что Хорев во II дейст. в явл. 6, прося у богов себе смерти, говорит, чтоб они *выняли из рук его кровавый меч*, когда еще он не выходил против Завлоха на вылазку, и зовущие *по краям громки боги* не являли еще тогда каковы герои российские. Чем же меч Хоровов был при сем случае обагрён? Поистинные авторовыми чернилами, и теми еще не орешковыми и безкамедными. Автор как в одах, так и в трагедиях полагает не-стихи за стихи, сие значит, что он полагает иногда простые строчки с превеликия торопливости, ибо в Хореве в дейст. IV явл. I, стих сей:

Хотя смерть в глазах его, он зрит бесстрашным оком

есть токмо строчка с рифмою, а не стих: в нем целый склад есть лишний в первом полстишии, и потому первое полстишие есть не полстишие, но член прозаического периода. Чтб сему стиху быть стихом, то надобно ему быть следующему:

Хоть смерть в глазах его, он зрит бесстрашным оком.

Напоследок, за что ни примешься в авторовом сочинении в рассуждении слов и изображений, все то находишь так порочное и неискusstное, что нельзя того изобразить. Он никакова отнюд не имеет искусства в употреблении и в избрании речей. Свидетельствует в Хореве в V дейст. явл. 3, когда Кий просит, пришед в крайнее изнеможение, чтоб ему подано было *седалище*. О! рассуждение слепого мудрования.

Знает автор, что сие слово есть славенское и употреблено в Псалмах за стул: но не знает, что славеноросский язык, которым автор все свое пишет, соединил с сим словом ныне гнусную идею, а именно то, что в писании названо у нас *афедроном*. Следовательно, чего Кий просит, чтоб ему пода-но было, то пускай сам Кий, как трагическая персона, введенная от автора, обоняет. Такое точно во всем авторово искусство!..

...Доносил уже я вам, государь мой, что нет почитай ничего в сочинениях авторовых, которое не было б чужое. Теперь то ж самое подтверждаю. Язвительная его комедия не его, да Голбергова, но токмо у автора она на свой образец; Гамлет Шекеспиоров, Эпистола о Стихотворстве и по плану и по изображениям, но токмо сокращена, вся Боало-Депрова, а сего автора вся ж Горациева, но токмо распространена. Что ж до сея трагедии Хорева; она вся-на все выбрана из многих французских трагедий как Корнелиевых, так Расиновых и Вольтеровых, хотя впрочем, все ее существенное основание есть Расинова Федра. Читающие французские трагедии могут сами сие сличить, и видеть: мне ежели б сие делать, то б мое рассмотрение в пятеро увеличилось против авторовых сочинений. Я токмо предложу одно здесь похищение из Волтеровы трагедии, названна Меропа. Праведное солнце! Как же оно изгажено авторовым переводом! Удивительно, учит автор в Эпистоле о русском языке как переводить, а сам ни шкиля, как говорят, не умеет. Не бесстыдное ль то тщеславие? Надобно поистине железное иметь чело. Впрочем, говорит там Вольтер:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir.
La vie est un opprobre, la mort est un devoir.

Сие значит по словам: Когда все погибло, и когда больше никакая нет надежды, то жизнь уже позор, а смерть долж-ность.

Но у автора нашего в IV действии в 7 явлении говорит сие презрядное похищенное место Оснельда следующим образом:

Когда погибло все, когда надежды нет,
Жизнь, бремя и одна она покой дает.

Рассудим же, государь мой, сперва не о том, как ему двусты-нию надобно быть, но о сем, что оно у автора нашего значит. Волтеров разум в сих двух стихах есть как превесыма исправен, так и безмерно великолепен. Но у нашего автора в нем неимоверное никому, по самохвальству его, противоусловие. Говорит он: *жизнь бремя, и одна она покой дает*. Как? жизнь у автора и тягостна, и совокупно она ж спокойна! Стыдно, го-сударь мой, вчуже, когда видишь такое неискусство, а толь ве-ликое авторово самохвальство. Я уже не говорю, что запятой

у автора надлежало быть не по слову *жизнь*, но после речи *бремя*; доношу токмо, что его двустипшие сим образом могло б быть исправно, и означало б точно Волтеров разум:

Когда погибло все, когда надежды нет,
Уже бесцестна жизнь, оставить должно свет.

Но и по намерению нашего автора, именно ж, что он вместо *бесцестия* положил при жизни *бремя*, надобно б лучше следующему быть двустипшию:

Когда погибло все, когда надежды нет,
Несносно бремя жизнь, а смерть покой от бед.

Из сего одного примера можно всем выразуметь об автором самом малом искусстве, и заключить, а сие по самой чистой справедливости, равным образом и о всех его взятых местах из чужих сочинений. Еще мне вспало на ум некоторое из Хорева место, которым автор безмерно чванится, так что внес оное и в комедишку свою недостойную, а именно:

Карать противников, и налагати дани.

Признаваю, что разум сего стиха есть великолепен и горд. Но авторов ли он? Сие и во французском сочинении, из которого наш автор похитил, есть подражание Виргилиеву из Энеиды Кн. 6 стих: 352.

Parcere subjectis et debellare superbos.

Впрочем пускай не думает господин автор, что я не знаю всех его похищенных мест; я им при случае всем роспись по алфавиту могу сделать, а теперь довольствуюсь токмо легким показанием одного сего из Волтера: сие ж для того, дабы ведали, что автор не имеет ни малого довольства сам в себе. С другой стороны, уведомился я недавно, что автор сочиняет или сочинил трагедию Эдипа, в которой токмо пять человек действующих лиц. Но я наперед вас удостоверяю, что сей авторов Эдип будет точно Софоклов, у которого также пятеро (кроме хора, которого ныне к нам по подражанию французским трагедиям, автор не вводит же) действуют, а именно: *Эдип, царь Тебанский; первенствующий жрец Юпитеров; Креон, брат Иоакастин; Тирезий, прорицатель; Иокаста, вдова, оставшаяся после Лаия царя Тебанского, а супруга Эдипова*. Сего Софоклова Эдипа автор наш не возмет, или не взял с подлинника для того, что он по гречески ни пула не знает; но будет поживляться переводом или Дациеровым, или оным, кой сделан иезуитом Брюмоа. Не сомневаюсь притом, что автор, для укрытия своих из Софокла похищений, возмет некоторые места из Эдипа Петра Корнелия; и уповательно, что в авторовом либо Эдипе будет токмо и четыре персоны вместо пяти, когда он оставит или *первенствующего Юпите-*

рова жреца или прорицателя Тирезия. Но как то ни есть и ни будет; только ж авторов Эдип весь имеет быть основан на Софокловом, толь наипаче, что иезуит Брюмоа сию Софоклову трагедию весьма хвалит, а Корнелиеву довольно хулит, что до плана, хотя и хвалит же его изображения.

...Толикие недостатки и толь многие как в речах порознь, так и вобще в сочинении проистекают из первого и главнейшего сего источника, именно ж, что не имел в малолетстве своем автор довольного чтения наших церковных книг; и потому нет у него ни обилия избранных слов, ни навыка к правильному составу речей между собою. Второе, что обучался он может быть по правилам не своему, да чужим языкам: сей недостаток толь есть общий, что почитай и среднего состояния люди его ж предпочитают, не зная, как думаю, что бесчестнее Россианам не знать по российски, нежели как инак. Третье, что при правильном может быть изучении языкам, не обучался он надлежащим университетским образом грамматике, реторике, поэзии, философии, истории, хронологии и географии, без которых не токмо великому пииту, но и посредственному быть не возможно. Четвертое, нет в нем ни малого знания так называемых ученых языков, а по последней мере надобно б необходимо знать ему по-латински. Пятое и последнее: полагается он больше надлежащего на французских писателей, которые и сами во многом и почитай во всем копыты с греческого и латинского языка. Не может он справливаться с подлинниками и потому обманывается часто в разумениях, которые он берет как будто из самых подлинников. Однако, при всех сих недостатках, такое имеет о своем достоинстве и способности мнение, что почитай не меньше себя он почитает Корнелия и Расина: прочих всех как с некоторыя высоты презирает. Сие точно ложное о себе мнение его и ослепляет и не допускает видеть толь явных пороков всего сочинения. Впрочем, понеже я знаю, что тщеславные люди все в пользу себе обыкновенно заключают, чего ради и полагаю, что и сие мое рассмотрение может либо автор причесть к достоинству своих трудов, толь наипаче, что критики нигде не бывало на сочинения худых писателей; то свято вас удостоверяю, что мое рассмотрение было не для того, что будто б авторовы сочинения достойны критического рассуждения, но для сего, чтоб отвести многих от несправедливого мнения об авторовом недостатке, которого в нем едва и едва ль еще некоторая тень находится в рассуждении словесных и красноречивых наук. Сие объявив, пребываю и пребуду с непременною искренностью,

Государь мой,
Ваш, и прочая.

В Санктпетербурге

1750 г.